

ЛЕДИ
ДЫМ

ПРИНЦЕССА ПЕПЛА
ЛЕДИ ДЫМ

Продолжение следует...

ЛЕДИ ДЫМ

ЛОРА СЕБАСТЬЯН

Freedom

Москва

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С28

Laura Sebastian
Lady Smoke

Text copyright © 2019 by Laura Sebastian

Jacket art copyright © 2019 by Billelis

Map illustrations copyright © 2019 by Isaac Stewart

Себастьян, Лора.

С28 Леди Дым / Лора Себастьян ; [пер. с англ. Е. Ефимовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. — (Young Adult. Наследница пламени).

ISBN 978-5-04-100176-6

Теодосия сбросила пепельную корону — символ своего унижения. Девушке удалось вырваться из плена кайзера и вернуть себе законный титул. Но тиран по-прежнему держит ее народ в рабстве. Чтобы освободить подданных, Теодосии понадобится поддержка армии, которую она сможет получить, лишь выйдя замуж против воли. Но королевы Астреи так не поступают — их свобода принадлежит только им самим.

Девушке придется найти какой-то невероятный способ спасти истерзанную узурпатором страну, не потеряв при этом саму себя.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100176-6

ПРОЛОГ

Мать однажды сказала мне, что Астрея может выжить, лишь пребывая в мире. Мы не нуждаемся в огромных армиях, говорила мама, поэтому незачем заставлять наших детей становиться воинами. Мы не восхваляем войну, подобно прочим странам, не пытаемся получить больше, чем нам нужно. Нам достаточно Астреи, говорила она.

Мама и представить себе не могла, что война сама придет к нашему порогу, хотим мы того или нет. Прежде чем мама умерла, она смогла убедиться, как мало стоит мир по сравнению со стальными клинками и дикой алчностью кейловаксианцев.

Моя мать была Королевой мирных времен, но я слишком хорошо знаю: одного мира недостаточно.

ОДНА

Кофе со специями сдобрен изрядным количеством меда, и все равно обжигает мне язык. Крессентия всегда заказывает именно такой кофе.

Мы сидим в павильоне, как и тысячу раз до этого, в руках у нас дымящиеся фарфоровые чашки — холодным вечером о них так приятно греть ладони. Какое-то мгновение мне кажется, что все как прежде, мы мирно сидим в полумраке и молчим. Мне не хватало наших бесед, но еще я скучала по этому уютному молчанию: мы всегда могли просто посидеть вот так, не испытывая потребности заполнять тишину глупой светской болтовней.

Но это же бессмысленно. С чего мне скучать по Крессентии, если она сидит напротив меня?

Словно прочитав мои мысли, подруга смеется и ставит чашку обратно на блюдце, та звякает, и этот звук пробирает меня до костей. Крессентия тянется через стол и обеими руками сжимает мою ладонь.

— Ох, Тора, — говорит она своим нежным голоском, так что мое фальшивое имя звучит как музыка. — Я тоже по тебе скучала, но в следующий раз не стану.

Я еще не успеваю осмыслить ее слова, а над нами уже загорается свет, солнце полыхает все ярче и ярче, освещая Крессентию все больше и больше. Вот уже видна обугленная, отслаивающаяся черными хлопьями кожа — память об обжигающем зелье энкатрию, которое по моему приказу подмешали подруге в вино; волосы у нее белые, тусклые, а губы — серые, как та фальшивая корона, что я когда-то носила.

Страх и чувство вины обрушиваются на меня, все кусочки головоломки встают на свои места. Я вспоминаю, что сделала, вспоминаю, почему я так поступила. Вспоминаю ее лицо за прутьями решетки, пылающее гневом: стоя перед моей тюремной камерой, Крессентия говорила, что будет радостно кричать, когда меня казнят. Вспоминаю, как раскалились прутья решетки, за которые она ухватилась.

Я пытаюсь отдернуть руку, но Крессентия держит крепко, ее очаровательная улыбка сменяется хищным оскалом, с запачканных пеплом клыков капает кровь. Ее кожа обжигает мне руки, она даже горячее, чем у Блейза, я словно сунула руки в огонь. Я пытаюсь кричать, но с губ не срывается ни звука. Я больше не чувствую своих рук и какую-то долю секунды испытываю облегчение, но потом смотрю вниз и понимаю, что кисти мои превратились в золу. Огонь распространяется вверх по рукам, охватывает грудь, тело, ноги и ступни. Под конец загорается голова, и последнее, что я вижу — это чудовищная улыбка Крессентии.

— Ну вот. Так ведь лучше, правда? Теперь никто по ошибке не примет тебя за королеву.

Я просыпаюсь в холодном поту, хлопковые простыни волглые и липнут к ногам. Живот крутит, кажется, меня вот-вот вырвет, хотя, если мне не из-

меняет память, вечером я съела только пару кусков сухого хлеба.

Я сажусь в кровати, прижимаю ладонь к животу, пытаюсь прогнать чувство тошноты, и часто моргаю, чтобы глаза быстрее привыкли к темноте.

Через несколько секунд я осознаю, что нахожусь вовсе не в своей кровати, не в своей комнате, даже не во дворце, а в тесной каморке, сижу на узкой койке с тонким матрасом, застеленным потертой простыней, а укрыта лоскутным одеялом. В желудке все бултыхается, так что меня опять накрывает рвотный позыв, и тут я осознаю, что дело вовсе не в моем желудке, — сама комната раскачивается из стороны в сторону, а желудок просто повторяет это движение.

События последних двух дней обрушиваются на меня все разом. Темница, суд кайзера, Элпис умирает у моих ног. Помню, как Сёрен спас меня, лишь для того, чтобы самому попасть в плен. Едва эта мысль приходит мне в голову, как я тут же пытаюсь от нее избавиться. Есть множество вещей, за которые мне стоит себя винить, и пленение Сёрена не одна из них.

Я на борту «Тумана», корабля, направляющегося к развалинам Энглмара, собираюсь заявить свои права на Астрею. Я у себя в каюте, живая и невредимая, в то время как Сёрена держат в цепях в трюме.

Смеживаю веки и, склонив голову, прячу лицо в ладонях, но в тот же миг перед моим мысленным взором возникает лицо Кресс: огромные серые глаза, на розовых щеках играют ямочки — такой она была при нашей первой встрече. Сердце сжимается в груди при мысли о той девочке, и о девочке, которой была я сама, о том, как я цеплялась за под-

ругу, ставшую единственным спасением от моей кошмарной жизни. Слишком быстро милый образ Кресс сменяется другим: холодные серые глаза глядят на меня с ненавистью, горло обуглилось, и от него отслаивается кожа — такой я видела подругу в последний раз.

Яд должен был ее убить. Если бы я не увидела Крессентию собственными глазами, ни за что не поверила бы, что она жива. В глубине души я испытываю облегчение, но мне никогда не забыть, как смотрела на меня бывшая подруга, обещая стереть Астрею с лица земли, не забыть ее слов о том, что она попросит у кайзера мою голову.

Я снова плюхаюсь на спину и с приглушенным стуком ударяюсь затылком о тонкую подушку. Все тело болит и ломит, но разум напряженно работает, и я не знаю, как унять стремительный хоровод мятущихся мыслей. Все равно закрываю глаза и пытаюсь выбросить из головы Кресс, но воспоминания о ней неотступно танцуют на краю сознания, подобно зловещему призраку.

В каюте слишком тихо, так тихо, что она сама становится источником звуков. Я слышу их, коль скоро больше нет дыхания моих Теней, их бесконечных передвижений за стенами, ерзаний и перешептываний. Тишина оглушает. Я кручусь с боку на бок, съеживаюсь и плотнее кутаюсь в одеяло; вновь ощущаю огненное прикосновение Кресс, пинком сбрасываю одеяло, и оно темной кучей оседает на пол.

Сон все не идет. Я сползаю с койки и нахожу толстый шерстяной плащ, оставленный в каюте Бичом Драконов. Натягиваю его поверх ночной рубашки, и он захлестывает меня уютной, бесформенной волной, доходя до лодыжек. Ткань местами протерта, плащ покрыт таким количеством заплат,

что я сомневаюсь, осталось ли в нем хоть сколько-то первоначальной материи, и все же он мне во сто крат милее, чем шелковые платья, в которые рядил меня кайзер.

Как всегда при мысли о кайзере, в животе вспыхивает огненная ярость, она разрастается до тех пор, пока кровь в моих жилах не закипает, словно лава. Это чувство пугает, хоть я и упиваюсь им. Блейз обещал, что однажды я сама разожгу пламя и спалю труп кайзера дотла; думаю, это чувство не утихнет, пока я не увижу, как тело кайзера превращается в пепел.

В БЕЗОПАСНОСТИ

В коридорах и переходах «Тумана» тихо и безлюдно, нигде ни души, лишь где-то впереди слышен звук быстро удаляющихся шагов, да волны с приглушенным гулом разбиваются о борт судна. Я сворачиваю в один коридор, потом в другой, надеясь найти выход на палубу, но в конце концов понимаю, что окончательно заблудилась. Вечером Бич Драконов провела меня по всему кораблю, и после этой экскурсии у меня сложилось впечатление, что я твердо запомнила, где что находится, но в столь поздний час кажется, будто это какое-то совершенно иное место. Оглядываюсь, ожидая увидеть, как один из моих охранников-Теней прячется за угол, и осознаю, что их здесь нет. Тут вообще никого нет.

Десять лет их присутствие давило на меня, не давало вздохнуть. Я жаждала избавления, ждала, что в один прекрасный день стряхну с плеч эту ношу и смогу просто быть одна. Теперь же мне немного, самую капельку, недостает постоянной компании. По крайней мере, Тени не дали бы мне потеряться.

В конце концов, сделав еще несколько поворотов, я нахожу крутую лестницу, предположительно ведущую на палубу. Шаткие ступеньки громко скрипят,

и я взбираюсь медленно, до дрожи в коленях боясь, что вот-вот кто-то услышит и придет за мной. Приходится напоминать себе, что нет нужды красться и прятаться — я вольна идти куда пожелаю.

Я толкаю дверь, и мне в лицо ударяет морской воздух так, что волосы разлетаются во все стороны. Одной рукой придерживая длинные пряди, чтобы не лезли в глаза, другой я плотнее запахиваю на груди плащ. До сих пор я не представляла, насколько застоявшийся в каюте воздух, и теперь дышу полной грудью. Тут, наверху, работают несколько членов команды, минимальный экипаж, необходимый, чтобы судно не сбилось с курса и не затонуло глухой ночью, но глаза у всех матросов осоловелые: люди полностью поглощены своим делом и едва глядят в мою сторону, когда я прохожу мимо. Ночь холодна, особенно вкупе с ледяным морским ветром. Зябко скрестив руки на груди, иду на нос корабля. Наверное, я уже начинаю привыкать к одиночеству, но, похоже, мне никогда не будет достаточно: надо мной бескрайнее небо. Ни стен, ни запретов, лишь воздух, море и звезды. Небо переполнено звездами, их так много, что глазам трудно выделить какую-то одну. Артемизия рассказывала, что навигаторы ведут корабль, ориентируясь по звездам, но у меня в голове не укладывается, как такое возможно. Их же великое множество, того и гляди запутаешься! Вопреки моим надеждам на носу корабля кто-то есть. У фальшборта застыла одинокая фигура: ссутулив плечи, человек смотрит на океанские волны. Я сразу же понимаю, что это Блейз: из всех, кого я встречала, он единственный умеет так ссутулиться, что от него все равно исходит бешеная энергия. Меня окатывает волна облегчения, я ускоряю шаг.

— Блейз, — говорю я, касаясь его руки. Меня очень беспокоит жар его кожи, как и тот факт, что юноша не спит в такой час, но я отказываюсь задумываться об этом. Только не сейчас. В данную минуту мне просто нужен старый друг.

Блейз поворачивается ко мне, в глазах удивление; потом он улыбается, правда, довольно робко. Не привыкла, чтобы мне так улыбались.

Мы с ним не разговаривали с тех пор, как днем вошли на борт, и, сказать по правде, в глубине души я страшилась этого разговора. Блейз уже наверняка знает, что я незаметно поменяла наши чашки с чаем, подсунув ему ту, в которую он подмешал сонное зелье для меня. Наверняка он знает, почему я так поступила, и сейчас мне совершенно не хочется все это обсуждать.

— Не спится? — спрашивает он, оглядываясь по сторонам, и лишь потом смотрит мне в глаза. Открывает рот, снова закрывает, кашляет. — С непривычки может быть трудно для человека, впервые ночующего на корабле. Качка, шум волн...

— Дело не в этом, — говорю я. Хочется рассказать о приснившемся мне кошмаре, но я и так представляю, что Блейз ответит. Скажет, что это просто сон, это не взаправду, Кресс тут нет, она мне не навредит.

Все так, только я никак не могу в это поверить, а главное, не хочу, чтобы Блейз знал, как глубоко Кресс засела в моем сознании, как гложет совесть за мой поступок. Для Блейза все просто: Крессентия — враг. Друг не поймет моего чувства вины и уж точно не поймет, почему меня снедает тоска. Ему ни за что не понять, как сильно я скучаю по бывшей подруге, даже сейчас.

— Я не рассказывал тебе про Бич Драконов. — Он отводит глаза. — Следовало тебя предупредить.

Наверное, ты пережила малоприятное потрясение, встретив незнакомку с лицом твоей матери.

Я облакачиваюсь на планширь, и какое-то время мы с Блейзом смотрим вниз, на волны, обнимающие борт корабля.

— Ты, вероятно, рассказал бы, не поменяй я наши чашки с чаем, — замечаю я.

Мгновение он ничего не говорит, и тишину нарушает лишь плеск волн.

— Почему ты это сделала? — тихо спрашивает друг, словно не уверен, хочет ли услышать ответ.

Я не уверена, хочу ли отвечать, но во мне еще живет надежда, что он рассмеется и скажет, что я ошиблась.

Набираю в грудь побольше воздуха, стараясь выровнять дыхание.

— Перед тем как мы покинули Астрею, Эрик рассказывал мне про берсерков и упомянул о симптомах, — медленно говорю я.

Блейз замирает, но не смотрит на меня и не перебивает, так что я продолжаю:

— Он сказал, что когда рудничное безумие прогрессирует, кожа заболевших становится горячей, они начинают терять контроль над своим даром. Сказал, они не могут спать.

Блейз хрипло переводит дыхание.

— Не все так просто, — тихо говорит он.

Я качаю головой, пытаюсь упорядочить мысли, потом отталкиваюсь от фальшборта и скрещиваю руки на груди.

— Боги наделили тебя даром, — заявляю я. — Благодаря ему ты выжил на рудниках и продержался все эти годы. Не может быть, чтобы ты... — Не могу заставить себя произнести эти слова. «Рудничное безумие». Два слова, по отдельности каждое из них

кажется неопасным, но вместе они обретают злое-
щий смысл.

Мне до боли хочется, чтобы Блейз улыбнулся и сказал, что я ошибаюсь, никакого рудничного безумия у него нет, но он молчит. Стоит, как соляной столб, облокотившись на фальшборт, руки крепко сцеплены в замок.

— Не знаю, Тео, — произносит он наконец. — Не думаю, что я... болен. — Очевидно, он тоже не может произнести слова «рудничное безумие». — Но и благословения я никогда не чувствовал.

Признание срывается с его губ тихим шепотом, и ветер уносит его слова в ночь, чтобы их уже никогда не произносили. Мне приходит в голову, что Блейз, возможно, впервые сказал это вслух. Я касаюсь его плеча, вынуждая посмотреть мне в лицо, потом прижимаю ладонь к его груди в том месте, где осталась отметина напротив сердца.

— Я видела, на что ты способен, Блейз, — говорю я. — Глайди благословила тебя, я это знаю. Возможно, твоя сила отличается от силы других Защитников, она... она другая. Это нечто гораздо большее, иначе и быть не может.

Мгновение Блейз смотрит на меня так, будто хочет спорить, но потом накрывает мою руку своей ладонью и замирает. Я стараюсь не обращать внимания на жар его кожи.

— Почему тебе не спалось? — спрашивает он в конце концов. Я не могу рассказать ему про свой кошмар и лгать тоже не хочу, так что останавливаюсь где-то посередине — прибегаю к полуправде.

— Не могу спать одна, — отвечаю я. Как будто все так просто. Мы оба знаем, что это не так. Я жду, что Блейз даст оценку моим словам, скажет, что это просто смехотворно, что нельзя скучать по присут-